

Татьяна Кузнецова

г. Барнаул

Душа как будто жаждет нового,
но мерно гаснут звезды-свечи,
и ветка падает ольховая
на приопущенные плечи.

Как безнадежно время движется...
да нет, не движется – летит.
Стихов неизданная книжица
меня, наверное, простит.

Она неизданной останется.
Конец. Омега. Все, отбой.
Я в этой жизни только странница...
Мы оба странники с тобой.

Нам Млечный Путь – тропинкой узкою,
нам очень многое до фени;
но в наших душах столько музыки
той, что создать не сможет гений.

Она не нотами записана
и не слышна другим в реале,
она, поверь, не станет выпренной
в игре на скрипке и рояле.

Бледнеют звезды. Речка движется.
Камыш у берега качается.
Сегодня мне опять не пишется.
Такое изредка случается...

Молчанье улиц на восходе дня.
Прохожих редких пасмурные лица...
Как будто кастаньетами звеня,
трамвай по сонным улицам промчится.
Потом опять наступит тишина,
краюха неба чуть порозовеет
и листьев золотистая волна
прокатится по заспанным аллеям.
В молчанье улиц, скверов и витрин
есть нотка тихой горести и грусти.
Давай же, мой родной, поговорим
и все грехи друг другу мы отпустим.
Качнется тихо маятник Судьбы,
вспоминанья хлынут, будто лава,
но я с тобою не пойду «на вы» –
игра в войну не женская забава.
Так пусть спешат по улицам такси,
пусть дворники сметают осень в кучи...
Ты просто так за все меня прости,
пойми... И больше никогда не мучай.

Опять пустая рокировка.
И все при месте. Ход конем...
Он в шахматы играет ловко.
А впрочем, так же, как с огнем.

COVID-19

Прозрачны краски акварели,
как солнечный восход в апреле,
как облака, что в небе где-то –
наверное, за ними лето.

А мы сидим, как в норах мыши,
рассвет не видим,
дождь не слышим...
Я верю, все ещё случится
и лето в двери постучится.
Не может как-то быть иначе...
И люди кинутся на дачи,
в Таиланд, в Италию, в Марсель...
Дай Бог нам пережить апрель.

Мы учились у поэтов,
как со словом обращаться.
И поэзия за это
не дала с ней распрощаться.

Незнакомые знакомцы
прижились у нас в квартире.
Окуджава, Белла, Бродский...
Мы вас любим как любили.

С позашорканных пластинок
голос ваш вливался в уши,
а гитара – вечный инок –
бередила наши души.

Мы вживались в облик века,
в образ Гамлета с гитарой.
Он – больной, и он же – лекарь,
никогда не ставший старым.

Ах этот глупый перевод
с английского на русский.
И я читаю: «Пипл – народ».
И свет струится тусклый.

Народ и в Африке – народ...
У нас в России тоже.
Всеяден – вновь дерьмо жуёт
и грустно кости гложет.

И кто-то хитрый гонит лес
в совсем иные страны...
А нам поёт с экранов Лепс,
танцуют обезьяны.

И желтый Ангел не придёт,
чтоб нас с тобой утешить.

Россия. Новый год. Народ...
...А впрочем, кто безгрешен?

Эх полынь, полынь-трава,
не мелисса с мятой...
И сегодня жизнь моя,
как постель измятая.

То ли сплю я,
то ли нет,
а зависла с книжкой...
За стеной шумит сосед.
Вчера он был мальчишкой.

У него своя хандра
во стакан налитая.
Эх, сегодня жизнь моя,
как окно закрытое.

И будет ночь

Дома взбежали по пригорку
и по округе разбрелись.
Старушки в маленькой коптёрке
всё разговор ведут «за жисть»,
за то, что раньше было круче,
когда еще был жив совхоз,
хоть «от аванса до получки».
но ведь купили пылесос,
и холодильник, и стиралку,
и даже ездили в Москву,
и пусть не видели загранку,
но всё же ели колбасу,
ту, что ещё была без соли...
И снова вздохи о былом...
Осталась молодость в «застое»,
и детство за седьмым углом.
Любовь осталась тоже в прошлом –
назад теперь не повернуть...
Они вздыхали о хорошем,
не в силах видимо заснуть.
А ночь тарашилась в оконце
и звёзды были как горох.
Жизнь выпита почти до донца,
а мир и нынешний неплох.
...Пройдут года и кто-то после
вот так же вспомнит этот век,
в котором мы всего лишь гости.
И будет ночь...

И будет снег...